

Е.П. Педчак

«Парус»

В поэме «Андрей Переяславский» декабриста Бестужева-Марлинского есть строки:

Белеет парус одинокий
Как лебединое крыло...

Лермонтов обессмертил одну из строк Бестужева, развив ее в философскую аллессию, политическое иносказание.

Внешне стихотворение напоминает простую пейзажную зарисовку с вполне конкретными и точными образами бушующей и умиротворенной стихии. Но на фоне этих конкретных образов и через них выступает глубокий философский смысл стихотворения. Сами по себе природные образы не интересуют Лермонтова. Они даны хотя и точно, но предельно обобщенно, в наиболее естественном и одновременно контрастном их проявлении:

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
...
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...

Предметность картины не входила в художественную задачу Лермонтова. Поэт свободно сталкивает разные по времени состояния природы — бурю и покой. Смысл стихотворения вырастает не на основе предметности изображения, хотя Лермонтов и не грешит против точности описания, а поверх нее. Возможность сопоставления природных явлений с человеческими переживаниями определяется у Лермонтова, как у всякого романтика, тем, что природа обладает душой, которая в ней проявляется свободно и естественно и составляет закон ее существования, заложенный в ней изначально. Все в ней подчиняется ее собственной воле.

Первые строки «Паруса» вводят общий пейзаж:

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..

Образ моря — пространственной безбрежности — контрастен одинокому парусу, затерянному в нем. На этом контрасте по смежности возникают последующие тревожные вопросы, углубляющие контраст:

Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Здесь внутренне оппозиционны обе части: «ищет он» противостоит «кинул он», «стране далекой» — «краю родной». Это находит ритмическое выражение в явных цезурах после второй стопы. Но вместе с тем эти контрастные формулы объединяются образами моря и одинокого паруса. Одиночество паруса теперь приобретает некое «определенное положение» — между «страной далекой» и «краем родным». И это объединение также подчеркнуто анафорическим употреблением слова «что». Далее пространственный контраст рассматривается не вширь, а вглубь, дополняясь временной антитезой.

Строкам:

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...

— соответствуют строки, в которых выражено иное по времени и по существу состояние стихии:

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...

Парус помещен теперь между небом и морем, и этот новый контраст также проведен последовательно и закреплён в антитезах — «играют волны — ветер свищет...», «под ним» — «над ним». Столь же явно контрастируют пятая и шестая строки между собой:

Увы! Он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!

Они непосредственно связывают второе четверостишие с первым:

Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..
Увы! он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!

Менее очевидный контраст заключён внутри второго и третьего четверостиший. По лермонтовскому представлению, счастье достигается только в результате действия, но «парус» «счастья не ищет, и не от счастья бежит!». Точно так же умиротворенное состояние природы побуждает его «просить» бурю. И здесь проявляется внутренний конфликт между стихией и человеческим сознанием. Природа живет по собственным законам, по своей воле, но эта воля не совпадает с личной волей человека, всюду противопоставляющего ей свой закон жизни. Противоречие между «морем» и «парусом» символизирует противоречие между жизнью вообще и человеческой личностью, брошенной в ее океан. «Парус» постоянно противопоставляет «морю» личную волю, контрастную с состоянием стихии. Однако его бытие, «закон» его странствия достаточно устойчив — не движение и не покой, но желание счастья и не отказ от него. Переживание реального чувства, единого в противоречиях и не существующего вне этих противоречий, вне внутренне неразрешенной коллизии, объясняет природу одиночества человека, брошенного в море жизни, вечно мятущегося и не знающего счастья ни в покое, ни в буре, ибо буря чревата покоем, а покой — бурей. Человек оказывается вечно неудовлетворенным, внутренне не застывшим. Он не может, подобно природной стихии, пребывать в каком-то одном состоянии — покоя или бури. Закон его жизни — мятеж. Это единственная реальность, которую он чувствует. Все остальное однозначно — определенные состояния неведомы для него. Внутренняя непримиренность противоречивых чувств порождает и внешнюю противоречивость. Коллизия внутри человека перебрасывается во внешний мир и развивается в двух планах. Контраст составляют в этом смысле первые строки «Паруса» с его последними строками. Начав с внешней картины («Белеет парус одинокий // В тумане моря голубом!..»), Лермонтов заканчивает картиной внутренне неразрешимых противоречий («А он, мятежный, просит бури, // Как будто в бурях есть покой!»), где образы бури и покоя, не утрачивая точного значения, приобретают смысл символов, характеризующих внутренне переживания.

Этот конечный перенос конфликта внутрь подготовлен предшествующими четверостишиями, где каждой внешней картине противопоставлен глубокий духовный конфликт. Вместе с тем неразрешенность конфликта «паруса» и «моря» бросает свет на конфликт между человеком и жизнью, а противоречивое состояние покоя-бури выступает не только в соотнесенности с законом природной стихии, по своей воле становящейся то бурей, то покоем, но осознается как печальная необходимость, которую человек не волен изменить. Вечная неудовлетворенность препятствует счастью человека, и он, противопоставляя себя стихии, одновременно тоскует по естественным, внутренне непротиворечивым ее проявлениям. В дальнейшем именно такие состояния будут казаться иногда Лермонтову подлинным счастьем и блаженством («Выхожу один я на дорогу...»). В ранней лирике они наводят тоску и грусть на поэта и его героя, преодолеваемые, однако, жадной непосредственного деяния.